

РОМАН КАРЦЕВ: «НЕ ПЕРЕСАЛИВАЙТЕ ЛИЦО!»

НЕСЛУЧАЙНО НОВЫЙ
СЕЗОН ТЕАТРА ЭСТРАДЫ
ОТКРЫЛСЯ КОНЦЕРТАМИ
РОМАНА КАРЦЕВА.

Ведь он отмечает 35-летие своей творческой деятельности. Этот юбилей он должен был бы отмечать вместе с Виктором Ильченко. Увы, Ильченко не дожил до юбилея.

— Витя был очень умный, талантливый. Думаю, без него я бы не состоялся. Вообще театр, созданный нашей троицей — вместе с Мишей Жванецким — не состоялся бы. Не знаю, что бы я делал один — ну читал бы какие-то монологи. А так — получился театр. Я о Викторе могу долго рассказывать. Мы не только работали вместе, но и проводили отпуск, отмечали все семейные праздники. Я и сейчас советуюсь с ним. Витя был больше чем партнер. И потом — что такое партнер? Пришел-ушел, сыграл и разошелся... Виктор был друг, соратник. Может быть, мне надо бы уже найти нового партнера, но Витю не заменит никто. Поэтому я решил работать один.

— А Михаил Жванецкий по-прежнему пишет монологи специально для вас?

— Нет, теперь он работает только для себя, так как сам их и читает. Да и мне с ним работать трудно: нечего играть. В его миниатюрах для меня нет образа. Миша свои рассказы читает артистично, но мне-то надо играть. Одно дело — реприза, хохма: может запомниться. Но если есть образ, то шутка запоминается обязательно. Вот у Аркадия Райкина все запоминалось, потому что он создавал характер. Я уверен: моноспектакль — самое трудное на эстраде. Работать одному — это же брать всю ответственность на себя.

— Но ведь кроме Жванецкого есть и другие авторы. Уже и молодые появились. С ними не пробовали работать?

— Молодые авторы, по-моему, Мишу боятся. Шучу, конечно... Они пишут хорошие тексты, они талантливые ребята, но не мое это. Пока я вот что думаю: если не найду ничего подходящего, а Жванецкий так и не будет для меня писать, то обращусь к классикам: буду читать Чехова, Шолом-Алейхема, Зощенко, Хармса, Аверченко.

— В драматических театрах не пробовали работать?

— Меня приглашают солидные, хорошие театры. И предложения прекрасные. Но я не умею предавать. Ведь если уйду в другой жанр, то предам свой. А закончить мне все же хочется на своей ноте. В драматическом театре другие могут играть лучше меня, а то, что делаю я, могут немногие. Так что еще

Рядом с Романом Карцевым всегда незримо присутствует Виктор Ильченко. Поэтому понятно, что и наше интервью со знаменитым артистом, отмечающим 35-летие творческой деятельности, началось с воспоминаний об Ильченко.

РОМАН КАРЦЕВ:

Метро. - 1998. - 18 нояб. - с. 1, 3
«НЕ ПЕРЕСАЛИВАЙТЕ ЛИЦО!»

года два поработаю на эстраде, а там посмотрим.

— Но в кино ведь вы снимались, и не один раз. А Швондера в «Собачем сердце» теперь представляют только таким, каким его сыграли вы.

— Но как же со мной нелегко режиссерам! Не в смысле работы над образом, а чтобы остановить мое слишком подвижное лицо. Я просто не могу быть в состоянии покоя. Как говорят в Одессе, «не пересаливайте лицо!» А Швондер мне просто очень хорошо знаком, таких я много раз играл в наших спектаклях. Да они всем знакомы, жизнь с ними все время сталкивает. На телеэкране разновидности Швондера появляются постоянно, ну разве что внешность меняется

в зависимости от времени. Но сейчас в кино мне ничего интересного режиссеры не предлагают.

— Вас все устраивает в современной эстраде? Не меняется ли качество юмора в худшую сторону?

— Согласен, юмор обрастает пошлостью и хамством. Свобода слова принесла много плохого. Для кого-то легче всего выйти на сцену и рассказать скабрезный анекдот, соленью пошутить. И всегда в зале найдутся те, кто засмеется. Вот артист и начинает думать, что имеет успех. Конечно, и раньше пошлости было достаточно. Но ее сдерживала официальная цензура. Теперь ее, слава Богу, нет, но в сознании артиста самоцензура должна быть. По крайней мере, сейчас

мы должны не потакать дурному, а подтягивать публику до высшей планки. Самоцензуру надо воспитывать не только у артистов, но и у зрителей. Это чувство собственного достоинства.

— А как воспитывать? Что бы вы, например, сделали?

— У нас с Витей была идея открыть студию для молодежи — готовить артистов нашего жанра и прививать им хороший вкус. Конечно, юмор — чувство врожденное, он либо есть, либо его нет. Но чувство меры, хороший вкус можно воспитать. Я бы предложил прямо в школах ввести уроки юмора, чтобы с юных лет люди учились шутить тактично, никого не оскорбляя. И чтобы шутки над самим собой воспринимались не как обида, а с юмором — это тоже надо уметь. А учить необходимо на лучших примерах: произведениях классиков сатиры и юмора, на хороших анекдотах. Надо учить наблюдать жизнь, а потом придумывать и разыгрывать сценки. Стало бы больше людей, которые могут посмеяться скорее над собой, чем над упавшим на улице.

— Роман Андреевич, после смерти Виктора Ильченко вы стали грустным...

— Конечно, его смерть на меня здорово повлияла. Часть себя потерял. Но ведь в жизни очень много причин для грусти, а сейчас-то тем более. В молодости мы все были веселыми. Собирались просто так, без повода. А сейчас и в компании стало сложнее: все больше по датам собираемся — годовщины, вечера памяти...

— Но есть что-нибудь, что может создать вам хорошее настроение?

— У меня замечательная семья. Мы любим и хорошо понимаем друг друга. Все — с прекрасным чувством юмора. А уж внучка, наверное, в дедушку пошла. Прирожденная юмористка. Очень люблю разыгрывать меня. Вот она-то у меня улыбку часто вызывает.

— Что в наше трудное время может помочь людям выстоять?

— Конечно же, чувство юмора. А еще — у Жванецкого есть монолог под названием «Обнимемся, братья!» Вот это поможет.

Алла ПУСТЫНОВА,
фото Бориса КРЕМЕРА